

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№2
(10)

2005

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЭФФЕКТЫ СНЯТОЙ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ*

Соединение предиката с субъектом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, а предикативная — финитная — форма во многих языках (в частности, в русском), выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, т. е. утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять. По У. Вейнрейху, это показатели “снятой утвердительности”, “assertion-suspending devices”, см. [Weinreich 1963/1970: 173]; ср. термин *non-veridicality* в [Pereltsvaig 2000, Gianakidou 2002].

Вейнрейх перечисляет языковые средства “нейтрализации утвердительности” (*neutralization of assertiveness, suspension of assertion*). Это номинализация, инфинитив, будущее время, императив и другие косвенные наклонения, которые выражают “прямой отказ от ответственности за содержание высказывания” (по Дж. Муру — освобождают говорящего от эпистемического обязательства); Вейнрейх упоминает, кроме того, немецкий конъюнктив, турецкий квотатив, пересказывательное наклонение в болгарском.

Контекст снятой утвердительности создают также модальные слова (такие как *может, хочет, должен, необходимо*), отрицание (в том числе внутрилексемное, как у *отказываться, запрещать, отрицать*), вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность, см. [Падучева 1985: 94].

О снятой утвердительности идет речь в [Падучева 1985: 94; 215— 220] — в связи с неконкретными (*non-specific*) нереферентными неопределенными местоимениями типа *какой-нибудь*. Эти местоимения практически недопустимы в индикативном контексте (**Он взял что-нибудь*) и свободно употребляются в контексте снятой утвердительности:

возьми что-нибудь, взять что-нибудь, возьму что-нибудь, если он взял что-нибудь, могу взять что-нибудь и т. д.

* * Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РГНФ, проект № 05-04-04130а и фонда National Science Foundation, грант № BCS-0418311; руководитель проекта — Барбара Парти.

Местоимения типа *какой-нибудь* — в свете достижений последних лет¹ — рассматривались в работе [Падучева 2004а]. Там же был отмечен ряд других явлений, тоже порождаемых, как оказалось, снятой утвердительностью: исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой — не параметрической — диатезе; зеркальная симметрия прошлого и будущего времени; глобальное отрицание и отмена фактивных presuppositions в контексте отрицания этого рода.

Данная работа посвящена глобальному отрицанию: понятие снятой утвердительности ставит на новую основу проблему отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе и в предложениях с кванторными словами.

1. Атрибутивный компонент

Давно было замечено, что предложения с препозитивным наречием (безударным) часто не имеют хорошего отрицания. Пример из [Падучева 1969]:

- (1) а. Он затормозил \cup резко \ ; б. Он резко \cup затормозил \.
 (2) а. НЕ (Он затормозил резко \) = Он затормозил не резко;
 б. НЕ (Он резко \cup затормозил \) = ???

У предложения (1а) отрицанием служит (2а); а (1б) не имеет хорошего отрицания. И так будет для многих наречий — в частности, для всех наречий образа действия.

Паразитальный факт состоит, однако, в том, что в контексте снятой утвердительности то же глагольно-адвербиальное сочетание отрицается без затруднений:

- (3) а. Резко не тормози; б. Главное — не тормозить резко; в. Он не будет тормозить резко; г. Резко он не тормозит; д. Могу резко не тормозить; е. Он обещал резко не тормозить; ж. Если бы он резко не затормозил, произошла бы авария.

В (4а) отрицание попадает в контекст снятой утвердительности и абсолютно естественно; а то же глагольно-адвербиальное сочетание вне такого контекста не имеет отрицательного коррелята²:

- (4) а. Здесь пока тщательно не оденешься, из дому не выйдешь.
 [В. Писигин. Письма с Чукотки//Октябрь. 2001. № 1];
 б. НЕ (Он тщательно оделся) = ‘то ли не оделся, то ли оделся не тщательно’ = ???

¹ См., в частности, получившую большой резонанс работу [Haspelmith 1997] о типологии неопределенных местоимений.

² В работе широко используются примеры из Национального корпуса русского языка, сайт Интернета www.ruscorpora.ru.

Я буду называть отрицание глагольно-адвербиального комплекса как целого (примеры типа (3) или (4а)) глобальным отрицанием. В принципе, выразить смысл, задаваемый формулой (4б), конечно, можно, см. ниже, — но не с помощью одной только частицы *не*.

Договоримся о коммуникативно-синтаксических терминах³. В (1а) *резко* занимает ударную позицию, рематическую, а в (1б) — безударную: ее можно назвать позицией атрибута ремы [Падучева 1996: 244], считая слово “атрибут” синонимом для термина “модификатор” (от англ. *adverbial modifier* ‘обстоятельство’). Итак, мы имеем:

- (1) а. Он затормозил \cup *резко* \ [он затормозил — тема, *резко* — рема];
 б. Он *резко* \cup затормозил \ [он — тема, затормозил — рема, *резко* — атрибут ремы].

У (1а), где *резко* — рема, есть простое отрицание (2а), а для (1б), где *резко* — атрибут ремы, отрицание затруднено.

Подчеркнем, что атрибутом ремы может быть только такой адвербиал при глаголе, который не является актантом этого глагола. Для актантов аналогичные просодические противопоставления дают иной семантический эффект, см. раздел 5.

Различие между рематической позицией адвербиала (отрицаемой) и безударной дает себя знать не только в контексте отрицания, но и в ряде других.

— Контекст причины (он рассматривался в связи с понятием презумпции в [Зализняк 1983]):

- (А) а. Ребенок проснулся потому, что вы разговаривали *громко* \;
 б. Ребенок проснулся потому, что вы *громко* разговаривали \ [≠ (а)].

— Контекст условия:

- (Б) а. Если бы они разговаривали *громко* /, я бы услышал;
 б. Если бы они *громко* разговаривали! Они кричали [≠ (а)].

— Контекст начинательности (пример из [Богуславский 1998]):

- (В) а. После этого они начали разговаривать *громко* \ [до того они разговаривали, но не громко];
 б. После этого они начали *громко* разговаривал \ [≠ (а)].

— Контекст внутрилексемного отрицания:

- (Г) а. Ваше присутствие помешало мне *произнести* слово «Позор!» *громко* [я произнес, но тихо];

³ Здесь и далее мы используем следующие знаки фразового ударения: \ — понижение тона (главное фразовое ударение); / — повышение тона, второстепенное ударение; \cup — безударность.

б. Ваше присутствие помешало мне *громко произнести* слово “Позор!” [я ничего не произнес].

Выявив в поверхностной структуре позицию атрибута ремы, мы получаем все необходимое для описания противопоставлений в плане содержания. В обоих предложениях, т. е. и в (1а), и в (1б), имеется два смысловых компонента — две предикации. В (1а) первый компонент, ‘он затормозил’, — пресуппозиция; второй, ‘торможение резкое’, — ассерция. А в (1б) оба компонента ассертивные, т. е. в предложении две ассерции. Из этих двух компонентов 2-й является атрибутом к 1-му; это атрибутивный компонент.

Семантические представления для (1а) и (1б):

(1а#) ‘он затормозил’ [пресуппозиция] & ‘торможение резкое’ [ассерция];

(1б#) ‘он затормозил’ [ассерция] & ‘торможение резкое’ [дополнительная ассерция: атрибутив].

Есть наречия, которые не допускают двойкой акцентуации. Например, наречие *кстати*, как в *пришел кстати*, всегда ударное. Но большой класс наречий способен к указанному линейно-просодическому контрасту — например, наречия образа действия (*громко смеяться, рассказать подробно, работать дружно, идти быстро*).

Существенно, что одно и то же определительное — атрибутивное — отношение задано на семантических составляющих предложения и слова [Падучева 1996: 244].

В [Богуславский 1985] и в [Зельдович 1998] атрибутивному компоненту в семантике слова и предложения приписывается особый коммуникативный статус слабого компонента (в одном ряду с ассерцией и пресуппозицией) — на том основании, что в контексте отрицания этот компонент а) не остается истинным, в отличие от пресуппозиции; б) не отрицается, в отличие от обычной ассерции. То есть усматривается некое третье значение параметра, у которого первые два — это ассерция и пресуппозиция. Между тем коммуникативный статус атрибутивного компонента в структуре (1б#) — это все-таки ассерция — дополнительная, при основной, выраженной глаголом. А особое поведение атрибутивного компонента под отрицанием имеет семантическую природу. Так, если ситуация, соответствующая глагольному компоненту (например, *затормозил*), не имеет места, то атрибутивный компонент (*резко*) лишается смысла, ср. бессмысленное **он резко не затормозил*. Семантическая аномалия в контексте отрицания при глаголе возникает потому, что *резко* — наречие образа действия. Другие типы наречий свободно сочетаются с отрицательным глаголом; например, возможно *напрасно он не затормозил, назло не поехал*. А в коммуникативном отношении атрибутивный компонент подчиняется общим законам, т. е. может быть и ассерцией, и пресуппозицией.

Итак, в семантической структуре предложения с атрибутом ремы возникает конъюнкция ассерций, а отрицание конъюнкции, в соответствии с законами логики, дает сложный дизъюнктивный смысл, которого естественный язык избегает:

(2б) НЕ (он резко \cup затормозил \setminus) =
 ‘то ли он затормозил не резко, то ли не затормозил вообще’.

Выразить смысл (2б) на русском языке, конечно, можно — и даже несколькими способами — (2б') отражает семантическую структуру с дизъюнкцией; (2б'') передает дизъюнкцию в виде импликации, а (2б''') — “идиоматически”, используя контрастную тему:

(2б') То ли он не затормозил вообще, то ли затормозил, но не резко;
 (2б'') Если он и затормозил, то не резко.
 (2б''') Резко / он не тормозил \setminus .

Все соответствия, однако, весьма неточные. Так, (2б') добавляет к (2б) компонент ‘не знаю, что из двух имело место’ — хотя смысл (2б) мог бы иметь в виду и такой человек, который знает, но не хочет говорить. Далее, (2б'''), в соответствии с определением контрастной темы в [Падучева 1985: 118; 2004б], означает: ‘резко не тормозил, а тормозил ли не резко — неизвестно’; иначе: ‘то ли он не тормозил вообще, то ли затормозил не резко’. Так что предложение (2б''') передает смысл (2б) очень приблизительно. Например, тут СВ *затормозил* заменяется на НСВ общефактическое *тормозил*, при котором утрачивается смысл единичного торможения; а сохранение совершенного вида дает практически недопустимое

(2б''') *Резко он не затормозил.

Можно ли, однако, выразить отрицание адвербиально-глагольного комплекса более простыми средствами?

2. Типы отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе

Трудности с отрицанием глагольно-адвербиального комплекса были известны давно. Новость состоит в том, что отрицательная частица *не* при глаголе-сказуемом свободно выражает глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса, если он находится в контексте снятой утвердительности. В этом случае отрицание не требует ни союзов, ни контрастного ударения на наречии, см. примеры (3), (4а) из раздела 1.

Глобальная интерпретация отрицания в контексте снятой утвердительности свойственна большому кругу наречий. См. пример (1) (на базе списка адвербиально-глагольных сочетаний из [Филипенко 2003]); слева стоят глаголы в будущем времени, которое создает контекст снятой утвердительности; справа — в прошедшем времени:

- (1) самостоятельно не *выучит* — ?не *выучил* самостоятельно;
 дешево не *продаст* — ?дешево не *продал*;
 скоро он не *придет* — ?скоро он не *пришел*;
 спокойно он *сидеть* не *будет* — ?спокойно он не *сидел*;
 хорошо этот *рояль звучать* не *будет* — ?хорошо этот рояль не *звучал*; и т. д.

Может быть, и есть такой контекст, в котором предложения из правой части списка более или менее уместны, но разница по степени естественности между левой и правой частью очевидна.

Предложные группы с адвербиальным значением подобны наречиям; например, такую же пару образуют *без причины не откажется* и **без причины не отказался*. Мы стараемся ограничиваться односложными адвербиалами только ради простоты формулировок.

Еще два примера. В (2а), (3а) наречия находятся в контексте снятой утвердительности, и предложение выглядит гармонично; а (2б), (3б), с глаголом в прошедшем времени, в большей или меньшей степени шероховаты:

- (2) а. *Сильно* этот поезд не опоздает = 'НЕ (Этот поезд *сильно* опоздает)';
 б. ?*Сильно* / этот поезд не опоздал \ ;
 (3) а. НЕ (Вам эту статью надо внимательно прочесть) = Эту статью вам внимательно читать не надо;
 б. НЕ (Вы эту статью внимательно прочли) = ?Внимательно / вы эту статью не прочли \ .

Чтобы понять, на чем основана эта корреляция между модальностью и синтаксисом, посмотрим, какие в принципе смыслы могут получаться из соединения частицы *не* с глагольно-адвербиальным комплексом вида Q(P), где P — предикация, а Q — модификатор (иначе — атрибут) P. Можно различить следующие типы взаимодействий.

I. ГЛАГОЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В СФЕРЕ ДЕЙСТВИЯ АДВЕРБИАЛА:

Q(не-P) = не-P <пресуппозиция>, Q(не-P) <ассерция>;
Напрасно он не затормозил.

II. ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Па. ГЛАГОЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СНЯТОЙ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТИ:

не—Q(P): Только бы он *резко* не затормозил.

Пб. ГЛАГОЛЬНОЕ СМЕЩЕННОЕ (с ударением на адвербиале) —

не—Q(P) = 'то ли P & не-Q (P), то ли не-P';

Сильно он не расстроился.

III. АДВЕРБИАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

не-Q (P) = P <пресуппозиция>, не-Q (P) <ассерция>;

Он затормозил не *резко*.

Согласно терминологии, которая идет от А. М. Пешковского (и использована в [Падучева 1974: 151]; см. также [Jackendoff 1990]), типы II и III — это семантически общеотрицательные предложения, их смысл может быть представлен как НЕ ИМЕЕТ МЕСТА ТО, ЧТО (S); а тип I — частноотрицательные, они не являются отрицательным коррелятом никакого утвердительного. Например, в *Напрасно он не затормозил* смысл 'напрасно' остается за пределами сферы действия отрицания.

Замечание. В англоязычной литературе, начиная с [Klima 1964], принято различать *sentential negation* и *constituent negation*. Мы этих терминов не используем. Дело в том, что они опираются на представление о том, что отрицание при глаголе-сказуемом является семантически общим, а отрицание при других словах — частным. Между тем для русского языка это явно не так: формальные различия в отрицательных предложениях принципиально не совпадают с семантическими. Так, адвербиальное отрицание, тип III, дает, как и типы IIа и IIб, семантически общеотрицательное предложение. Наоборот, в типе I отрицание глагольное, а предложение частноотрицательное.

Рассмотрим по отдельности каждый из типов. Начнем с самого простого — с типа III.

Тип III. Адвербиальное отрицание

Оно возможно для широкого круга наречий — в частности, для наречий образа действия. Обязательным условием осмысленности *не-Q(P)* является осмысленность *Q(P)* и истинность *P*. Примеры.

- (4) Ответ прозвучал *не сразу* (А. Азольский); Все эти задачи возникли *не вдруг* (В. Гроссман); возразил *не авторитетно*; прочел *не до конца*; затормозил *не резко*; произнес *не громко*.

При адвербиальном отрицании глагольная пропозиция *P* имеет презумптивный статус, так что это отрицание свободно употребляется в утвердительном контексте.

Не все наречия способны присоединять отрицание; например, *не давно* возможно только в полемическом контексте; не отрицаются, в основном значении, адвербиалы *все равно*, *вдруг*).

Тип I. Глагольное отрицание в сфере действия адвербиала

Примеры:

- (5) *долго* не звонил; *давно* не пишет стихов; *сразу* не одобрил; *все равно* не купил бы; *зря* не купил; *умышленно* не тронул; *активно* не понравилась; *искренне* не поняла.

Это понимание возможно, среди прочих, для наречий времени и причины — но не образа действия: **Он резко не затормозил*. (В самом деле, образ действия может быть только у совершаемого действия, а причина или время может быть и у несовершения; поэтому *спяну не затормозил* осмысленно, а *резко не затормозил* — нет.) Очевидно, осмысленность *Q(не-P)* не следует из осмысленности *Q(P)* и наоборот.

Иногда отрицательное Р требует от наречия специального “аллолекса” (см. [Вежбицкая 1999]):

- (6) *неприменно не, *обязательно (не \Rightarrow ни в коем случае не).

Однозначно частноотрицательная интерпретация отрицания при глаголе возникает в том случае, если наречие неспособно присоединять отрицание, т. е. если понимание *не-Q* (Р) исключено (см. выше про *давно, все равно, сначала*). Если же такое понимание в принципе допустимо (ср. *не сразу понял, тронул не умышленно*), то пропозиция не-Р может терять свой презумптивный статус, и становится допустима глобальная интерпретация отрицания типа Пб; возникает дизъюнкция — ‘то ли не-Q (Р), то ли даже не-Р’.

Тип II. Глобальное отрицание

Глобальным мы называем отрицание, которое, находясь при глаголе, по смыслу распространяется на глагольно-адвербиальный комплекс в целом. Мы рассмотрим две разновидности глобального отрицания — собственно глобальное, тип Па, и смещенное, тип Пб.

Тип Па. Глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности

Тип Па — это глобальная интерпретация глагольного отрицания в контексте подчиняющего оператора снятой утвердительности (такowymi являются союзы *чтобы, если, пока*; частица *разве*; оператор вопроса и др.). В типе Па осмысленность *Q* (*не-Р*) не обязательна для осмысленности не—*Q* (Р). В контексте такого адвербиала *Q*, который осмыслен и в применении к *не-Р*, возникает прямое противопоставление типа Па типу I. Так, в (7) отрицание распространяется только на Р; а в (8) — на весь комплекс ‘ты пришел напрасно’:

- (7) *Напрасно* ты не пришел \supset ‘ты не пришел’, тип I; понимание возможно и в утвердительном контексте; см. о *напрасно* [Зализняк 1992].
- (8) (чтобы) ты не пришел *напрасно* — нет такого следствия; тип Па; понимание возможно только в контексте снятой утвердительности.

В контексте, где *Q(не-Р)* не имеет смысла, глобальная интерпретация остается как единственная возможность:

- (9) Надо следить, чтобы он *резко не затормозил*.

Тип Пб. Смещенное отрицание

Напротив, тип Пб надо сопоставлять с типом III в обоих случаях Р является предпосылкой *Q* (Р). Близость и грамматическая: и в III и в Пб глагол в предикции Р имеет утвердительную модальность — поэтому она и выделяется как отдельный коммуникативно значимый смысловой компонент предложения. Смысл предложения типа Пб задается дизъюнкцией

$$\text{не—}Q(P) = \text{‘то ли } P \ \& \ \text{не-}Q(P), \text{ то ли не-}P\text{’},$$

которой в типе Па нет. Тем не менее, смещенное отрицание — это разновидность глобального: в предложении с глобальным отрицанием, равно как и со смещенным, Р само по себе не отрицается.

Примеры (10)—(12) демонстрируют неоднозначность: в (а) пригла-

гольное отрицание в сфере действия (СД) адвербиала, частноотрицательная интерпретация, тип I; в (б) глобальная интерпретация, тип IIб:

- (10) а. Он *сразу* нас не одобрил = ‘с первого взгляда’ [отрицание в СД адвербиала, тип I];
 б. Она *сразу* не стала использовать свой диплом (Валерий Попов) [смещенное отрицание, тип IIб].
- (11) а. Он *долго* не приходил; *долго* не отвечал [отрицание в СД адвербиала, тип I];
 б. Он *долго* не думал; *долго* не огорчился [смещенное отрицание, тип IIб].
- (12) а. Я с *самого немала* ему не поверил [отрицание в СД адвербиала, тип I].
 б. Я *сначала* ему не поверил \supset ‘возможно, потом поверил’ [смещенное отрицание, тип IIб].

Интонационные различия между (а) и (б) в примерах (10)—(12) слабые; противопоставление обеспечивается скорее за счет семантики слов, чем просодии.

3. Глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности

Вернемся теперь к глобальному отрицанию. Оно представлено серией примеров в (1) со следующей структурой: имеется сентенциальный оператор, который создает контекст снятой утвердительности у финитной формы глагола, так что предикация Р лишается утвердительной модальности (а это главное, что выделяет ее как отдельную пропозицию); кроме того, истинность Р не составляет лексической предпосылки осмысленности Q(P) — ведь Q применимо и к *не*-Р. Вместо структуры вида НЕ (Р & Q(P)), которая порождает при отрицании дизъюнктивный смысл, возникает структура вида НЕ (Q(P)), где Q(P) — некая единая пропозиция. Нет конъюнкции, отрицание которой разлагалось бы в дизъюнкцию, поскольку Р пропадает как отдельно утверждаемая пропозиция — глагольно-адвербиальный комплекс отрицается как целое:

- (1) если бы я *сдуру* не поздравил <...>;
чтобы *напрасно* не обидеть <...>;
 <...> чтобы она *вновь* не стала добычей какого-нибудь охотника;
 Разве ты не бываешь там *каждый день*?
 <...> пока *окончательно и навсегда* не установилась Советская власть (В. Катаев);
Как бы он *нечаянно не проболтался*.

В (2) оператором снятия утвердительности является вопрос, в (3) — квантор общности, в (4) — сослагательное наклонение.

- (2) Ты *случайно* не знаешь его телефон?
- (3) Нет проблемы, которая бы *всесторонне* не обсуждалась; <...> не было такого, который бы *вскоре* не сделался негодяем;
- (4) Не случись эта передряга, не *отказались* бы вожди *всерьез и на-долго* от своих теорий (В. Аксенов).

В отличие от типа I, где адвербиал должен быть осмыслен в применении к отрицательному предикату (а набор таких адвербиалов ограничен), глобальное отрицание в контексте оператора снятой утвердительности не накладывает никаких специальных ограничений на Q, которые бы порождались именно наличием отрицания: если наречие Q сочетается с глаголом P, то глобальная интерпретация тоже возможна. Например:

- (5) пока *мало-мальски не наладится*; пока инвалид *вновь не извлек* из своего инструмента вибрирующий звук (В. Пелевин); пока *заживо не сгниешь*; пока *окончательно не оступел*; если бы не банкет, он бы так *тщательно не оделся*; если бы *периодически не вспыхивали*; если бы *постоянно не вываливались*; если бы я *клятвенно не пообещал* если бы *вдруг не пропало* солнце; если мы *немедленно не уйдем* отсюда; иначе бы *хорошо не получилось* иначе бы он *на-вытяжку не стоял*; чтобы *сломя голову не мчаться*; не может быть, чтобы он *не усмехнулся исподтишка*.

Ясно, что вне контекста снятой утвердительности сочетания из (6) неприемлемы:

- (6) *тщательно не оделся, немедленно не уйдем, периодически не вспыхивали, клятвенно не пообещал, вскоре не сделался, неустанно не зывал, украдкой не утер слезу, поминутно не прикладывал, кубарем не полетел.*

Глобальная интерпретация типа Па особенно хорошо видна в контексте наречий причины (*сдуру, сослепу, спросонья, в шутку, нарочно, умышленно, нечаянно, случайно, второпях, в спешке, сгоряча, спьяна*) и цели (*на-прасно, назло*). Эти наречия, в отличие от наречий образа действия, типа *громко, медленно*, в принципе, могут употребляться при отрицаемом глаголе; т. е. глобальное отрицание типа Па у них может быть семантически противопоставлено приглагольному в сфере действия адвербиала, тип I.

Рассмотрим один пример более подробно. У наречий *нечаянно, случайно, второпях* в контексте снятой утвердительности возникает глобальная интерпретация:

- (7) Я очень боялся, чтобы меня нечаянно не приняли за кого-нибудь (М. Арцыбашев); я стал бояться, <...> как бы он нечаянно не нажал собачку (В. Каверин); <...> чтобы не успеть увидеть своего ребенка и нечаянно не полюбить его навсегда (А. Платонов).

Вне этого контекста глобальная интерпретация отрицания при *нечаянно* невозможна или по крайней мере усложнена. У наречия *случайно* гло-

бальная интерпретация отрицания тоже ограничена контекстом снятой утвердительности:

<...> чтобы их *случайно* не подслушали.

А интерпретация по типу I возникает без затруднений:

Он лишь *случайно* не опал в аварию.

Интерпретация по типу I и по типу II отчетливо противопоставлены у *второпах*. Наречие *второпах*, так же как *нечаянно*, *случайно*, в принципе может употребляться при отрицаемом глаголе:

(8) *второпах* не сказал (не взял, не надел и проч.) = ‘не сказал из-за спешки’ = ‘из-за спешки (НЕ сказал)’.

Ясно, однако, что в (9а) *второпах* относится не к глаголу, как в (8), а ко всему сочетанию “глагол + модификатор”; т. е. это глобальная интерпретация отрицания, и она обусловлена контекстом снятой утвердительности:

- (9) а. Проследи, чтобы он *второпах не оставил* ключи к ‘чтобы не было так, что он *второпах оставил*’;
б. Он *второпах не оставил* ключи [= ‘из-за спешки не оставил’].
- (10) а. Как бы он *не надел второпах* мою шляпу [= ‘из-за спешки может надеть’];
б. Он *второпах не надел* шляпу [= ‘из-за спешки не надел’].

В [Пеньковский 2004] рассматриваются два значения *второпах*, которые различаются тематическим классом:

1) значение причины: ‘в спешке — по причине спешки — сделал не то, что собирался или должен был’, *второпах 1*;

2) значение образа действия: ‘делал в спешке, торопясь’, *второпах 2*.

Значения различаются просодией; *второпах 1* препозитивно и принципиально безударно, а *второпах 2* предпочитает постпозицию и несет фразовый акцент:

(а) *второпах 1* ∪ забыл \; (б) пообедили ∪ *второпах 2* \,

Но противопоставление глобального отрицания, тип Па, и приглагольного отрицания в сфере действия адвербиала, тип I, возможно только для *второпах 1*, см. примеры (9), (10).

Так почему же контекст снятой утвердительности способствует глобальной интерпретации отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса? Очевидно, этот контекст влияет на отдельность пропозиции Р. Особенно ясна эта отдельность при глаголе сов. вида прошедшего времени, который обеспечивает пропозиции о предикатом Р конкретную временную соотнесенность и, соответственно, отдельное истинностное значение. Иначе говоря, сов. вид создает из предикации замкнутую пропозицию, а тогда уже возникает вопрос о ее истинности.

Рассмотрим пример (11). В (11а) глобальная интерпретация отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса является в высшей степени

форсированной — она требует мощной интонационной поддержки (порождается контрастной темой). А при снятой утвердительности, в (11б), глобальное понимание возникает без участия интонации:

- (11) а. умышленно / не тронул \ [= ‘если и тронул, то не умышленно’];
 б. умышленно нетронет [= ‘если и тронет, то не умышленно’].

В типе Пб глагол Р и адвербиал Q дают каждый свою ассерцию; возникает конъюнкция ассерций, которая при отрицании дает дизъюнкцию, а семантика естественного языка не любит дизъюнкций. Так что по отношению к типу Пб возникает вопрос, как преодолевается эта нелюбовь языка к дизъюнкциям, когда сочетание все-таки возможно.

4. Смещенное отрицание

Глобальная интерпретация отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса возможна и вне контекста снятой утвердительности — как правило, это будет смещенное отрицание. Чтобы отрицание при глаголе (глобальное) можно было назвать смещенным, нужно, чтобы в контексте данного предложения было допустимо не смещенное — адвербиальное (тип III), приблизительно равнозначное:

- (1) а. План *полностью* / не продуман \ [тип Пб] =
 б. План продуман не *полностью* [тип III].

Семантику смещенного отрицания можно мыслить как порождаемую контрастной темой [Падучева 1985: 118]:

- (2) а. Раньше / он ее любил \ <а теперь — неизвестно>;
 б. План *полностью* / не продуман \ <а продуман ли сколько-нибудь — неизвестно>.

Что можно сказать о классе наречий, допускающих глобальную интерпретацию отрицания в утвердительном контексте? В отличие от собственно глобальной, смещенная интерпретация накладывает сильные ограничения на класс адвербиалов. Возникает вопрос, как очертить этот класс семантически.

Интерпретация Пб характерна для наречий степени; причем отрицается всегда большая степень (с учетом фразеологически связанных сочетаний; т. е. наречия большой степени для разных глаголов разные, ср. *уйти далеко* и *продлиться долго*):

- (3) Это разграничение *последовательно* не проводилось; *Прямо* он этого не сказал; он этого *определенно* не сказал; *Долго* я не сомневался; Я *долго* не думал (ср. *не долго думая*); *надолго* не затянулось (*не затянется* — лучше); *долго* не продлится; численность *точно* не известна; Я *точно* не помню; *особенно (особо)* не удивился;

сильно не расстроился; *Сильно* они от этого не зависят; ситуация *качественно (принципиально)* не изменилась; *далеко* он не ушел; Местоположение Эммауса *точно* до сих пор не установлено (А. Мень); Эти вопросы *глубоко и всесторонне* не были продуманы (Известия, 2005).

Фраза (4), где наречие выражает нечто большее, чем степень, шероховата:

(4) Арбитр тогда Хомманда *серьезно* не наказал (Известия 2001).

Поскольку смещенное отрицание должно быть квазисинонимично адвербиальному, необходимы два условия, чтобы признать отрицание смещенным: нужно, чтобы было осмысленно и $Q(P)$, и $не-Q$ (это условия для типа III).

В типе Па для глобальной интерпретации достаточно осмысленности $Q(P)$:

- (5) а. *быстро* понял;
б. **быстро* не понял [интерпретация по типу I невозможна];
в. Только бы он *быстро* не понял, в чем подвох.

А в смещенном типе — вовсе нет: класс наречий, допускающих смещенное употребление, ограничен. В отличие от Па, при Пб допустимость сочетания, включающего *не*, не выводится из допустимости сочетания без *не*. Так, для (6а) собственно глобальное отрицание возможно, см. (6б), а глобальное смещенное — нет, см. (6в):

- (6) а. Он *вскоре* понял свою ошибку;
б. Если бы он *вскоре* не понял свою ошибку <...>;
в. **Вскоре* / он не понял свою ошибку \ .

Смещенное отрицание часто употребляется в контексте, где Р ложно уже само по себе, а говорящий пытается скрыть ложность более слабого утверждения, высказывая ложность более сильного; например, говорит *точно не знаю*, вместо простого *не знаю*. Если это так, т. е. если говорящий сознает, что и более слабое утверждение (т. е. одно Р, без указания на высокую степень) ложно, то это **уловка** — нарушение постулата информативности Грайса.

Можно было бы подумать, что глобальное отрицание в неутвердительном контексте может быть только смещенным. Рассмотрим, однако, наречие *вовремя*. Оно может иметь глобальную интерпретацию и в утвердительном контекст⁶⁶ (отмечено в [Левонтина2003]):

(7) Попугайчика *вовремя* не покормили, и он умер.

МАС различает у *вовремя* два значения, временное *вовремя* 1 и не числительное временное *вовремя* 2:

вовремя 1 = ‘пока еще не поздно’, ‘не опоздав’, например: Он сегодня пришел на работу *вовремя*; <...> она было взяла из моих рук моне-

ты, но *вовремя* опомнилась, и мы вышли, ничего не купив (Набоков. Весна в Фиальте).

вовремя 2 = ‘когда это уместно, нужно’, например: Вы пришли очень *вовремя*; *вовремя* сказанное слово.

В значении 1 *вовремя* не присоединяет отрицания: не допускает интерпретации по типу III (возможно, дело в том, что это значение передается словом *опоздал*) — если при слове *вовремя* есть отрицание, это может быть только *вовремя* 2:

- (8) а. Гость пришел не вовремя;
б. *Он пришел на работу *не вовремя*.

Предложение (8б) можно понять только в странном значении ‘когда его там не ждали’ — оно не является отрицанием для *пришел вовремя*, т. е. ‘не опоздав’.

Получается, что *вовремя* допускает глобальное отрицание в утвердительном контексте, которое не может быть смещенным, поскольку *вовремя* в этом значении не присоединяет отрицание.

Что же нейтрализует неудобную для русского языка дизъюнкцию и делает возможным отрицание по типу IIб? В [Богуславский 1985: 32] приведен пример предложения с безударным модификатором, т. е. с адвербиалом в атрибутивной позиции (и с глаголом в прош. времени), где частица *не* при глаголе допустима и имеет глобальную интерпретацию вне контекста снятой утвердительности. Сформулировано условие, выполнение которого делает возможным глобальное понимание отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса. Это СЕМАНТИКА ОЖИДАНИЯ того, что если Р будет, то обязательно с атрибутом Q (в (9) Q = *для участия в конкурсе*):

- (9) Петров не приедет в Москву *для участия в конкурсе*.

Ожидание может даже быть выражено эксплицитно. Ср. (10а) и (10б):

- (10) а. ?За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн;
б. За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн, как ожидалось.

Предложение (10а) некорректно, а (10б) безупречно. И разница в том, что в (10б) прямым текстом сообщается, что говорящему неважно, имеет ли место Р (*возросла*) вне атрибута Q (*на 10 миллионов тонн*).

Аналогично можно построить объяснение для *вовремя*: говорить о Р вне модификатора Q бессмысленно — например, бессмысленно ставить вопрос, покормили ли попугайчика тогда, когда было уже поздно.

Таким образом, различие между структурой вида «Р & Q(Р)», которую нельзя отрицать с помощью отрицательной частицы, и той, которую можно, объяснимо также и на синтаксическом уровне: если Q — обязательное

условие, при котором для нас интересна истинность Р, то Q становится обязательным участником ситуации, переходит из сирконстантов глагола Р в актанты. Тогда Р теряет статус отдельно утверждаемой пропозиции за счет того, что Q становится еще одним участником предиката Р. Отрицательный смысл имеет не структура (а), а структура (б), где Р (... , Q) — это глагол Р со всеми своими актантами плюс новый актант Q:

- (а) то ли *не-Р*, то ли Р & не-Q(P);
- (б) Р (... , Q)

В сущности, семантика ожидания и сводится к тому, что Q становится обязательным участником ситуации Р.

Подобную интерпретацию допускают и другие предложения с обстоятельством времени в тематической позиции:

- (11) Вчера попугайчика не покормили, и он умер;
Мне заранее не сказали;
Я утром не позавтракал.

Неудобная дизъюнкция пропадает, если вопрос, было или не было Р без Q, не встает. Именно в этом источник странной на первый взгляд связи между временем глагола и сферой действия отрицания: прош. время и его утвердительная модальность Р формирует на базе Р отдельную пропозицию; снятие утвердительности дает противоположный эффект.

Итак, для глагольно-адвербиального комплекса мы получили исчерпывающее описание его возможных взаимодействий с отрицанием. А именно, на базе этого сочетания можно построить:

- А)** частноотрицательное предложение (с пресуппозицией *не-Р* и с отрицанием при глаголе, тип I): *умышленно не тронул*;
- Б)** общеотрицательное с пресуппозицией Р — когда ассертивна только адвербиальная пропозиция (отрицание при наречии, тип III): *затормозил резко*;
- В)** два общеотрицательных без пресуппозиций; а именно:
 - а) глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, тип IIa: *чтобы резко не тормозить*;
 - б) конструкцию с отрицанием, так сказать смещенным с адвербиала на глагол, тип IIб: *точно не знаю* (то ли 'знаю не точно', то ли 'если и знаю, то не точно').

Получается, что семантика глобального отрицания выводит нас на тему подавления пресуппозиций.

5. Утвердительная модальность и пресуппозиция

И здесь можно вернуться, с новыми знаниями, к старым примерам.

Снятая утвердительность — это очень часто модальный контекст; например, контекст возможности. В период крестового похода против пре-

суппозиций (в 70-е годы прошлого века) было введено понятие внешнего отрицания — это отрицание, которое затрагивает пресуппозицию. Так, отрицание в (1а) в [Kempson 1975] называется внешним, поскольку оно воздействует на пресуппозицию; обычное отрицание, как в (1б), ее сохраняет:

- (1) а. Джон *не огорчен* провалом на экзамене, потому что он не провалился;
- б. Джон *не огорчен* провалом на экзамене.

Ясно, что построения типа (1а) не соответствуют реальному узусу и допустимы разве что на уровне языковой игры — для создания экивока. Известны, например, эксперименты этого рода, принадлежащие перу Льюиса Кэрролла (см. о них в [Падучева 1982/1997]). Если, однако, Р находится в контексте снятой утвердительности (например, имеет модальность возможности), то отрицание, которое распространяется на пресуппозицию (т. е. отменяет ее), становится языковой реальностью:

- (2) Он *не может быть огорчен* провалом на экзамене, потому что он не провалился.

Тем самым понятие внешнего отрицания обретает смысл как глобальное отрицание, возникающее в контексте снятой утвердительности.

Отмена пресуппозиций в контексте снятой утвердительности видна на примере (3). Глаголы эмоции (типа *омрачить*, *затруднить*, *огорчить*), известные своей фактивностью, в этом контексте допускают как фактивное, так и нефактивное понимание (ср. [Кустова 1996]). Более того, нефактивное понимание становится более вероятным или даже единственно возможным:

- (3) Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчать* ее женьитьбой. “Жена все-таки чужой человек”, — говорит он (Горький).

Как легко видеть, семантический сдвиг, состоящий в утрате фактивности, имеет в точности ту же природу, что при отрицании глагольно-адвербиального комплекса: в контексте снятой утвердительности может пропадать фактивная пресуппозиция Р, обычная для этих глаголов. Без отрицания фраза вида Х *огорчил* Х-а Y-ом имеет пресуппозицию ‘Y имеет место’, см. (4а), которая сохраняется при отрицании, см. (4б); в (4в), в контексте снятой утвердительности и при данном членении на тему-рему, отрицание воздействует и на пресуппозицию, отменяя ее:

- (4) а. Я *огорчил* свою мать *женьитьбой* [‘я женился’ — пресуппозиция];
- б. Я не *огорчил* свою мать *женьитьбой* [‘я женился’ — пресуппозиция];
- в. Я не *огорчу* свою мать *женьитьбой* [= ‘не женюсь и, тем самым, не огорчу’].

В (4б) презумптивное отрицание, тип III, а (4в) — это то глобальное отрицание, которое отменяет пресуппозицию. Частное отрицание, тип I, имело бы вид

(4г) Я *огорчил* свою мать тем, что *не* женился.

Степень различия между частным отрицанием по типу I и общим презумптивным по типу III зависит, так сказать, от врожденной презумптивности исходной структуры: для непрезумптивных глаголов, таких как *хотеть* или *считать*, различие слабое — отсюда то, что называется подъемом отрицания, Neg-Raising. Так, (5а), тип I, почти синонимично (5б), тип II; а тип III, поскольку он требует пресуппозиции Р, исключен:

- (5) а. хочу (не участвовать) [тип I, частное отрицание];
б. не (хочу участвовать) [тип II, глобальное отрицание].

Аналогично в примере (6):

- (6) а. Думаю, что у него *не* получится [тип I];
б. *Не* думаю, что у него получится [тип II].

В следующем разделе мы рассмотрим еще один пример глобального (= смещенного) отрицания.

6. Отрицание и квантификация

Замечательно то, что на этом месте не обязательно ставить точку: отрицание в составе глагольно-адвербиального комплекса может послужить основой для дальнейших обобщений. В этом разделе мы убедимся, что смысловые противопоставления, с которыми мы имели дело в глагольно-адвербиальном комплексе, имеют место и за его пределами.

Пусть имеется предложение со следующей конфигурацией соотношений синтаксического и семантического плана.

В синтаксическом плане — глагол-сказуемое и некое подчиненное ему слово (или группа), например:

 |—————↓
Он затормозил резко.

В семантическом плане это слово является оператором, который, наоборот, подчиняет себе всю предикацию, образованную глаголом (имеет ее аргументом):

РЕЗКО (он затормозил).

Эта конфигурация создает конфликт, поскольку порождает два центра, каждый из которых притягивает к себе отрицание: сказуемое, **синтаксически** главное слово, и адвербиал, **семантически** главное слово (семантика, впрочем, требует поддержки со стороны коммуникативной структуры).

На примере глагольно-адвербиального комплекса мы описали, исчерпывающим образом, семантический спектр возможных позиций отрицания в ситуации семантико-синтаксического конфликта. Теперь мы рассмотрим по той же схеме другой случай этого конфликта.

В разных языках с разной силой действует тенденция ставить отрицание при глаголе как синтаксической вершине, не уточняя его сферу действия. У Есперсена в “Философии грамматики”, см. [Есперсен 1958], приводится множество примеров того, что было названо смещенным отрицанием, — в английском языке это явление распространено гораздо шире, чем в русском. Есперсен пишет: “Общая тенденция направлена к употреблению некусного [т. е. приглагольного. — *Е. П.*] отрицания даже в тех случаях, где более подходящим было бы специальное отрицание [не глагольное. — *Е. П.*]”. Примеры Есперсена:

- (1) *I don't complain* of your words, but of the tone in which they were uttered [= ‘я жалуюсь не на слова, но на тон’];
- (2) *We aren't here* to talk nonsense, but to act ‘Мы здесь не для того, чтобы болтать, а для того, чтобы действовать’;
- (3) *I didn't go* because I was afraid =
 - а. *I went*, but the reason was not fear ‘Я пошел, но причиной был не страх’;
 - б. *I didn't go*, and the reason for not going was fear ‘Я не пошел, и причиной этому был страх’.

Есперсен отмечает роль интонации в выражении различия между обычным и смещенным глагольным отрицанием: “...правда, в устной речи двусмысленность может устраняться интонацией”. Его пример:

- (4) а. *I didn't \ call* because I wanted to see her (but for some other reason) [смещенное отрицание];
- б. *I didn't call / |* because I wanted to avoid her [обычное глагольное отрицание — частное].

Существенно, что во всех примерах смещения отрицания (с синтаксически более низкого слова на более высокое) предложение при обоих позициях отрицания является семантически общеотрицательным; отрицание “логически”, в соответствии с ощущением Есперсена, должно было бы присоединиться к этому низко стоящему слову потому, что оно коммуникативно выделено, т. е. является ремой, так что отрицание пропозиции с именно этим словом является по смыслу отрицанием высказывания в целом.

Понятие смещенного отрицания возникло именно на базе предложений с кванторными словами [Падучева 1974: 143 и след.]⁴. Так, (5а) очевидным образом связано семантически с (5б):

⁴ За возможность обсуждения проблемы отрицания в контексте квантификации я благодарна Барбаре Парта, В. Б. Боршеву, Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельцу.

- (5) а. Я *не* решил *всех* \ ваших задач;
 б. Я решил *не все* ваши задачи.

В (5б), как и в примерах выше, синтаксическое и семантическое подчинение имеют противоположное направление (подобно тому, что мы видели в разделе 3 на примере глагольно-адвербиального комплекса *резко затормозил*): синтаксически главный глагол, а семантически — квантифицированная именная группа (ИГ), которая ему синтаксически подчинена. В самом деле, квантор — это сентенциальный оператор, он конкурирует с глаголом за право присоединить к себе отрицание при общем отрицании предложения. В результате мы имеем (5а) и (5б).

Замечание. Смещенному отрицанию в предложениях с кванторными словами в русском языке посвящена статья [Klein 1978]; ср. пример из этой работы:

Не ешь весь сыр = ‘ешь не весь’ (а не ‘не ешь нисколько’).

См. о смещенном отрицании в [Богуславский 1985].

Смещение отрицания — явление капризное; условия, при которых в русском языке предложения со смещенным отрицанием грамматически правильны, до сих пор не до конца понятны. В строчке из пушкинского «Памятника»

- (6) Нет, весь я не умру

смещенное отрицание, причем глобальному пониманию отрицания благоприятствует контекст снятой утвердительности: NB буд. время. Интересно, что соответствующая строчка у Горация звучит как *non omnis moriar*, отрицание не смещенное, оно стоит при кванторном слове, с которым соотносится по смыслу.

Кванторные слова со значением общности (\forall -кванторы) и существования (\exists -кванторы) ведут себя по-разному: для \forall -кванторов смещение носит более регулярный характер.

Пусть в предложении имеется сочетание вида $\forall x P$, где P — глагол, а $\forall x$ — подчиненная ему квантифицированная ИГ (глагольно-кванторный комплекс). Для такого сочетания имеются все те возможности взаимодействия с отрицанием, которые были описаны в разделе 3 для глагольно-адвербиального комплекса.

А) Возможно семантически частноотрицательное предложение с отрицанием при глаголе, тип I; соотношение семантических сфер действия — $\forall > \text{НЕ} > P$:

- (7) *Всем* \ не хотелось возвращаться домой.

См. пример (8) (из Национального корпуса русского языка), со структурой $\forall > \text{НЕ} > P$ (т. е. с отрицанием в сфере действия квантора общности); важную роль здесь играет *почти*, которое усиливает коммуникативное превосходство кванторного слова *все* над отрицанием:

- (8) Фитнес-центр *почти всем* не по карману.

Надо иметь в виду, что кванторное слово типа \forall , если оно в семантической структуре подчиняет отрицание, может отражаться в предложении как отрицательное местоимение. Неудивительно поэтому, что в (8) *всем* можно заменить на *никому*⁵:

- (8') Фитнес-центр почти *никому* не по карману.

В предложении, где отрицание стоит при \forall , общеотрицательном, это исключено.

Предложение (8') нельзя, однако, однозначно квалифицировать как семантически частноотрицательное, поскольку отрицательное местоимение может интерпретироваться также как порождаемое семантической конфигурацией НЕ $\exists x P(x)$, общеотрицательной.

Б) Возможно общеотрицательное предложение с отрицанием при кванторном слове, тип III (семантическая структура — НЕ $> \forall > P$):

- (9) *Не все* хотели решать задачу;
Решить задачу удалось *не всем*;
Я решил *не все* ваши задачи.

В) Наконец, есть два формально различных типа общеотрицательных предложений с отрицанием при глаголе.

а) Отрицание в контексте снятой утвердительности. Такой контекст порождает, в частности, глагол с модальным значением. В примере (10) отрицание выше квантора — как если бы оно стояло перед кванторным словом:

- (10) *Всех* не перечислишь; *Всего* не обойдешь; На *всех* не хватит; *Все* не поместятся.

Отрицание при глаголе тут беспрепятственно понимается как «смещенное», т. е. включает в свою сферу действия кванторное слово; семантическая формула — НЕ $> \forall > P$.

Контекст снятой утвердительности могут, кроме того, создавать операторы типа *пока*, *если*, *чтобы*, о которых уже шла речь. Отрицание как бы приклеивается к союзу, что обеспечивает ему максимально широкую сферу действия:

- (11) Буду молчать, пока *все* не успокоятся = ‘пока не будет так, что все успокоились’;
(12) <...> если только *все* не умерли в один день = ‘если только неверно, что *все* умерли в один день’.
(13) Выставили вино, чтобы *все* не разбежались.

⁵ Что объясняет логика предикатов: $\forall x \neg P(x) \equiv \neg \exists x P(x)$.

Так что контекст снятой утвердительности обеспечивает отрицанию глобальную интерпретацию в контексте кванторных слов совершенно так же, как в контексте наречий.

б) Смещенное отрицание, т. е. глобальное отрицание вне контекста снятой утвердительности. Смещенное отрицание требует особого интонационного контура; как правило, смещение маркируется просодией — контрастным ударением на *все*:

- (14) Всех / ваших задач я не решил \ ; Я не решил всех \ ваших задач;
Не ешь весь \ сыр.

Что касается семантики смещенного отрицания, то оно для глагольно-кванторного комплекса столь же парадоксально, как и для глагольно-адвербиального. В чем можно видеть смысловое различие между (15а), с отрицанием при кванторном слове, и (15б) с отрицанием, смещенным на глагол?

- (15) а. *Всех * ваших задач я *не* решил \ ; б. Я решил *не все* ваши задачи.

Сочетание *не все* x P (x) порождает импликацию:

не все x P (x) \supset 'некоторые x не P (x)'.

Между тем отрицание при глаголе не несет такой импликации. Нельзя, однако, не признать, что предложение со смещенным отрицанием типа (15а) без этой импликации должно вводить в заблуждение.

Структурное различие между глобальным и смещенным отрицанием обнаруживает пример (16). В (16а), где отрицание смещенное, возможен вин. и род. падеж и на кванторном слове обязательно должно стоять усиленное ударение; а в (16б) генитив практически исключен и специального ударения не требуется:

- (16) а. Он не пропьет *всех * денег (*все* деньги);
б. Он купит машину, если только не пропьет *все* деньги (**всех* денег).

Смещение отрицания свойственно разным языкам в разной степени. Например, английскому — в большей, чем русскому. Так, согласно [Норн 1989], предложения примера (17) имеют две интерпретации:

- (17) а. *Every man* didn't win; б. *Everybody* isn't happy, в. *All that glitters* isn't gold.

Для фразы (17в) есть готовый перевод на русский, поскольку это словица: *Не все золото, что блестит*. А первые две вообще не имеют хорошего перевода на русский язык: отрицание при кванторном слове не будет в точности передавать смысл английского предложения, а отрицание при глаголе звучит не по-русски.

В (18) ИГ со словом *все*, *весь* определенная. Это конкретно-референтная ИГ, которая не входит в противопоставления, касающиеся

сферы действия. Глагольное отрицание здесь не требует интонационных выделений, характерных для смещения:

- (18) *Мы все* этого не хотим; *Все эти страны* не входят в ОПЕК; Им *это всё* не принадлежит.

Для примера (7) выше частноотрицательная интерпретация (т. е. структура $\forall > \text{НЕ} > \text{P}$) обусловлена контекстной определенностью, т. е. референтностью этого *всем*.

Теперь о кванторных словах типа . Они тоже допускают семантическое противопоставление частного отрицания при глаголе, тип I, и общего при кванторном слове, тип III; см. известный пример Есперсена:

- (19) а. *Not many* of us wanted the war ‘Не многие из нас хотели войны’:
 $\text{НЕ} > \exists > \text{P}$ [тип I];
 б. *Many of us didn't* want the war ‘Многие из нас не хотели войны’:
 $\exists > \text{НЕ} > \text{P}$ [тип III].

Отрицание при кванторе возможно только для слов с количественным значением; слова *какой-то* и *некоторый*, как и все конкретно-референтные, не допускают «сферических» противопоставлений.

Что же касается смещения отрицания в предложениях со словами типа \exists , то тут следует принять во внимание различие между наречием и прилагательным. Для *много*, как и для *мало*, смещение возможно:

- (20) а. Много / народу не придет \ ;
 б. Мало / не покажется \ (в значении ‘покажется не мало’).

Между тем *многое* и *многие* — это слабоопределенные ИГ: они не допускают противопоставлений, касающихся сферы действия, в частности смещения. Некорректность фразы примера (21) показывает, что даже контекста снятой утвердительности недостаточно для возникновения глобальной интерпретации у *многое* в контексте глагольного отрицания:

- (21) <...> она [Анна Григорьевна Достоевская], "чтобы *многого не забыть*, обещала завести записную книжку"⁶ = ‘чтобы не оказалось так, что она многое забыла’.

Термин «смещенное отрицание» возник в 70-е годы, когда представление о синонимии было свободное. Казалось, что семантически это то самое глобальное отрицание, которое мы видели в глагольно-адвербиальном комплексе. Смещенное отрицание, как и глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, отменяет пресуппозиции — это *presupposition free interpretation*.

⁶ Из письма А. Г. Достоевской матери — цит. по: А. Устинов Путешествие из Петербурга в Ленинград: Послесловие к книге: Л. Цыпкин Лето в Бадене. М.: НЛЮ, 2003.

7. Понижение отрицания: возникновение новых пресуппозиций

Наконец, последний вопрос, который естественно затронуть в данной связи. Что если отрицание стоит не при сирконстанте, как в примере (4) из раздела 2, а при актанте? Какая разница между глагольным глобальным и неглагольным сирконстантным отрицанием, мы уже знаем. А чем различаются семантически, например, предложение (1а), с глагольным отрицанием, и (1б), с отрицанием при актанте:

- (1) а. Белоконев не работает в ВИНИТИ [отрицание при глаголе];
- б. Белоконев работает не в ВИНИТИ [отрицание при актанте]?

Это различие легко сформулировать с помощью имеющихся в нашем распоряжении формальных средств: разница в том, что в (1б) есть пресуппозиция ‘Белоконев где-то работает’, а в (1а) ее нет.

Такая формулировка подтверждается следующими примерами. Если пресуппозиция, связанная с Р, оказывается в контексте того или иного Р тривиальной и ее нет смысла выражать, то предложение с глагольным отрицанием звучит странно — перенос отрицания на актант становится почти обязательным:

- (2) а. Военное министерство не находится на Фрунзенской набережной;
- б. Военное министерство находится не на Фрунзенской набережной.

Почему? Да потому, что если военное министерство существует (а фраза, по своему синтаксису, предполагает его существование), то оно где-то находится. Так что презумпция ‘военное министерство где-то находится’ тут обязательна. Могло бы быть так, что вариант со смещенным глагольным отрицанием полностью синонимичен варианту с актантным. На самом деле, однако, это смещенное, т. е. семантически не оправданное, глагольное отрицание иногда возможно, а иногда звучит совсем плохо. Еще более очевидны примеры (3) и (4):

- (3) а. Человек произошел не от обезьяны;
- б. ?Человек не произошел от обезьяны;
- (4) а. Пожар возник не от замыкания;
- б. ?Пожар не возник от замыкания.

Ясно, что человек произошел, а пожар возник. И в русском языке это обстоятельство необходимо отразить в структуре отрицательного предложения.

Тем самым подтверждается «синтаксическое» объяснение глобальной интерпретации отрицания, данное в разделе 3. Глобализация отрицания устраняет пресуппозицию, связанную с предикацией Р, за счет того, что атрибут превращается в дополнительный актант предиката. Теперь можно сказать, что верно и обратное: отрицание при одном из актантов предиката порождает пресуппозицию, связанную с предикацией Р, тем самым превращая отношение между предикацией и отрицаемым участником из ак-

тантного в атрибутивное. При этом в русском языке вывод участника из числа актантов происходит, при соответствующей коммуникативной структуре, свободно, а расширение набора актантов (лицензирующее глобальное отрицание) затруднено — отсюда связь глобального отрицания с контекстом снятой утвердительности. В английском языке положение явно обратное.

В заключение вернемся к связи отрицания с пресуппозициями. Отрицание в русском языке существенным образом опирается на коммуникативную структуру предложения, и естественно, что хорошее отрицание есть у предложений, смысл которых включает одну ассерцию, а все остальные пропозиции имеют более низкий статус.

В работе были выявлены разные типы взаимодействия отрицания с компонентами потенциально двуассертивного комплекса. Тип I — это частноотрицательные предложения; в сфере действия отрицания находится одна пропозиция; вторая пропозиция за пределами СД, так что предложение не является отрицательным коррелятом какого-либо утвердительного. В типе III (отрицание не при глаголе) двуассертивность преодолевается за счет того, что коммуникативное членение превращает глагольную предикацию в пресуппозицию. Главный интерес представлял тип II, глобальное приглагольное отрицание. Стратегия, с помощью которой русский язык справляется с двуассертивностью исходного (неотрицательного) предложения, состоит в том, чтобы две пропозиции слить в одну. Это может достигаться разными путями. Один — снятая утвердительность, которая лишает глагольную предикацию статуса отдельной пропозиции; второй — семантика ожидания, которая превращает адвербиал-сирконстант в обязательного участника, т. е. в актант.

В контексте снятой утвердительности глагольная пропозиция Р, которая в утвердительном контексте была бы в типе I ассерцией, а в типе III — пресуппозицией, не существует как отдельный семантический компонент предложения. Что делает Р отдельной пропозицией — это утвердительность. В контексте снятой утвердительности отдельной пропозиции Р просто не существует; сочетание глагола с адвербиалом обращается в единый смысловой комплекс, который способен отрицаться как целое.

Все сказанное свидетельствует о том, что снятая утвердительность влияет на самые разные аспекты структуры языка. Наверняка будут найдены и другие применения этого понятия**.

** Эта работа докладывалась на семинаре “Теоретическая семантика” под руководством Ю. Д. Апресяна в ИППИ в 2004 г. и на конференции Диалог-21 — в 2005. Автор благодарен всем, кто принял участие в обсуждении докладов, за соображения, которые способствовали устранению некоторых недосмотров первоначального варианта. Особая благодарность — Я. Г. Тестельцу, который сочувственно прочел эту работу в рукописи.

Литература

Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.

Богуславский 1998 — И. М. Богуславский. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры; Рус. словари, 1998.

Богуславский 2002 — И. М. Богуславский. Сандхи в синтаксисе // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19—37.

Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Есперсен 1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Англ. ориг.: O. Jespersen. The Philosophy of Grammar. London, 1924.

Зализняк 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1.

Зализняк 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen, 1992.

Зельдович 1998 — Г. М. Зельдович. О типах семантической информации: слабые смыслы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. № 2.

Кустова 1996 — Г. И. Кустов а. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГТУ, 1996. С. 240—261.

Левонтина 2003 — И. Б. Левонтина. *ВОВРЕМЯ, СВОЕВРЕМЕННО*// Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки рус. культуры, 2003.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1981 (= “Малый” академический словарь).

Падучева 1969 — Е. В. Падучева. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12.

Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М.: Наука, 1974.

Падучева 1982/1997 — Е. В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла// Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1982. Вып. 18. (Перепечатано в: Семиотика и информатика. Opera selecta. М., 1997. С. 184—220).

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.

Падучева 2004а — Е. В. Падучева. Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды меж-

дународной конференции Диалог'2004 ("Верхневолжский", 2—7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479—486.

Падучева 2004б — Е. В. Падучева. О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2004. №5. С. 10—15.

Пеньковский 2004 — А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Филипенко 2003 — М. В. Филипенко. Семантика наречий и адverbиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.

Giannakidou 2002 — A. Giannakidou. Licensing and sensitivity in polarity items: From downward entailment to (non)veridicality. Chicago, 2002 (Chicago Linguistic Society; 39).

Haspelmath 1997—M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Horn 1989—L. R. Horn. A natural history of negation. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Jackendoff 1990 — R. S. Jackendoff. Semantic structures. Cambridge etc., 1990.

Kempson 1975 R. M. Kempson. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge: Univ. Press, 1975.

Klenin 1978 — E. Klenin. Quantification, partitivity and the Genitive of negation in Russian // Classification of grammatical categories / Ed. B. Comrie. Urbana: Linguistics Research, 1978. P. 163—182.

Klima 1964—E. Klima. Negation in English // The structure of language / Ed. J. Fodor, J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 246—323.

Pereltsvaig 2000 — A. Pereltsvaig. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Philadelphia Meeting 1999 / Ed. T. H. King, I. A. Sekerina. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2000. P. 328—346.

Weinreich 1963/1970 — U. Weinreich. On the semantic structure of language // Universals of Language / Ed. J. Greenberg. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963. P. 114—171. Перепечатано в: U. Weinreich. On semantics. [Philadelphia:] Univ. of Pennsylvania Press, 1980. P. 37—96. Русский перевод (И. А. Мельчука): Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1970. С. 163—249.

20

Е. В. Падучева

Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание

21

* Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РГНФ, проект № 05-04-04130а и фонда National Science Foundation, грант № BCS-0418311; руководитель проекта — Барбара Парти.

Русский язык в научном освещении. № 2(10). 2005. С. 17—42.

1

2

3

6